

Имя выдающегося итальянского кинематографиста, писателя и общественного деятеля Чезаре Дзаваттини хорошо известно в нашей стране. За большой вклад в развитие дружеских связей между народами Италии и Советского Союза и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения член Президентского совета общества «Италия — СССР» Чезаре Дзаваттини был недавно удостоен высокой награды нашей Родины — ордена Дружбы народов.

Творчество этого замечательного художника-гуманиста проникнуто глубочайшей любовью к людям, к справедливости и миру на Земле. Дзаваттини — прекрасный мастер короткого рассказа. В своих новеллах он беспощадно бичует продажные нравы, цинизм и коррупцию, царящие в современном буржуазном обществе. Предлагаем вниманию читателей «ЛГ» рассказ Ч. Дзаваттини «Нельзя терять время», который мы публикуем с небольшими сокращениями.

ЭТА ИСТОРИЯ происходит в Риме, в наши дни, в течение одних суток. Главное действующее лицо — Антонио Т., провинциальный писатель, приехавший в столицу несколько дней назад как один из двух кандидатов на знаменитую литературную премию. С Антонио — Коринна, его юная жена, еще не успевшая даже привыкнуть к своему новому положению.

Бессонная ночь в маленькой гостинице поблизости от улицы Бабуино. Ими владеет одна только мысль: премия! И так до самого рассвета — между надеждой и отчаянием.

Ему звонит по телефону мать. За сотни километров, чтобы заверить, что она за него молится, будет непрерывно молиться и поставит свечи в церкви за его победу. А если он не победит, то с ним всегда будет рядом и утешит его она, его мамочка. Нет, обожаемая мама, лучше пустить себе пулю в лоб, чем вернуться в родной городок побежденным и опять много мечтать и мало зарабатывать. Вперед, вперед, в гущу боя, нельзя терять время. Можно внезапно умереть от инфаркта, на наши безумные головы, когда мы меньше всего того ожидаем, может упасть бомба... и поэтому необходим только самый немедленный, самый осязаемый, самый громкий успех. Победить незамедлительно, мир безжалостен к тем, кто опаздывает.

Нужно отказаться от сна и, пока другие еще не проснулись, садиться писать записки и письма, которые будут приложены к букетам цветов. Цветы, цветы, много цветов. Участники голосования на конкурсе ведь такие же люди, как и мы, их можно растрогать, к ним можно подольститься, их можно подкупить. В самом деле, ведь это депутаты, сенаторы, князья, промышленники, деятели искусства, влиятельные дамы — молодые и дряхлые, честные и наставляющие своим мужьям рога, банкиры, прелаты, генералы. За работу, за работу!

В свете раннего римского утра Антонио, Коринна и Карлоне, их приятель, которого они подняли с постели среди ночи, расстаются, и каждый, как монах-францисканец, отправляется своим путем — на завоевание мира.

Антонио — автор хорошего, пронизанного высокой моралью романа, ради успеха которого он готов забыть о морали. Созданный им персонаж — человек, уцелевший при крушении мира, сумевший противопоставить современному распаду собственное достоинство — именно то, что Антонио согласен утратить, действуя в соответствии с модным сегодня парадоксом: для того чтобы тебя уважали, надо совершать поступки, менее всего заслуживающие уважения. Антонио выработал свой план сражения: чтобы собрать возможно большее число голосов, он с помощью своей горячо любимой Коринны и Карлоне перевернет столицу вверх дном, не останавливаясь ни перед какими усилиями и даже, если необходимо, жестокостью.

И вот мы видим, как он садится в автобусы и такси, вылезает из них, поднимается и спускается в лифтах, входит в церковь, молится, хотя и не верит в бога, отправляет телеграммы, звонит по телефону, разносит букеты роз и корзины апельсинов («Их я привез для вас из своего городка»), — пишет он в приложенных к подношениям записках). Он раздаёт на все стороны поклоны, улыбки, льстит и лжет: подносит руку семидесятилетней дамы к своему юному сердцу, чтобы та почувствовала, как неровно оно бьется — ведь его, того и гляди, от волнения хватит инфаркт; он распахивает окно, намекая, что может покончить с собой, если не получит премии; демонстрирует по письму своей матери, то вежливо; ловко клеветает на противников; пишет в альбомы строки, исполненные заверений в горячей любви и глубокой преданности.

Он притворяется перед монахом-францисканцем, что на него вдруг снизошла благодать и он обращается в веру; как ветер, влетает в палату депутатов, перекашиваясь в коммуниста, потому — в сенат, где перед одним сенатором прикидывается христианинским демократом, а перед другим — фашистом. В неудержимом кренде он объясняется в любви служанкам, чтобы узнать, каковы намерения их хозяев; идет на похороны, чтобы вырвать голос у наследника покойного; сталкивается с кого-то в приемной со своим противником, тоже мечущимся в поисках

голосов, и, поскольку они незнакомы, оба пытаются заручиться голосом один другого.

Наконец-то он может повидать Коринну. Чтобы подвести первые, пусть еще неполные и предварительные итоги проделанному. В совещании участвует и верный Карлоне.

Вдруг, когда солнце уже садится за крышами домов на площади Испании, выясняется новое обстоятельство: Коринна информирует его о том, что дала пощечину одному из участников предстоящего голосования. Потому что тот гнусно схватил ее, когда она принесла ему корзину с фруктами и любезным — оно было даже в стихах — посланием Антонио. Виновник — один из самых главных голосующих, большой человек, пользующийся чрезвычайно широким влиянием.

Чезаре ДЗАВАТТИНИ

НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ ВРЕМЯ

— Это конец, — бормочет Антонио и чуть не падает на ступени лестницы Тринита деи Монти, услышав новость, которая звучит в его ушах похоронным звоном, особенно после того, как в нем час от часу росло предвкушение успеха, уверенность, что он близок к цели. — Не будем больше об этом говорить, сегодня же вечером сядем на первый попавшийся поезд и вернемся домой.

Однако, хоть он и заявляет так, у него есть непреодолимое желание перед отъездом пойти и набить морду этой важной персоне. Но не сию минуту, а немного позже. Он упрекает себя в том, что не подумал (хотя на самом деле думал!), что, посылая со своими поручениями Коринну, подвергает ее опасности, которые подстерегают в столице на каждом шагу.

Кажется, что Антонио и впрямь освободился от наваждения; что неприятный случай, приключившийся с Коринной, заставил его вновь обрести чувство собственного достоинства. Однако это не мешало ему описывать будущее, которое открылось бы перед ним в случае победы. Замечательное будущее! И радость старушки матери! Мы растроганно слушаем его вместе с Коринной и приятелем.

— Но это был лишь сон! — восклицает он. И целует Коринну, словно снова желает выразить ей свою солидарность, свою любовь. Потом, будто у него нет больше сил держаться и скрывать свое отчаяние, он садится, сразу весь съжившись, в уголке и погружается в угрюмое молчание.

Коринна глядит на него и чувствует, что в этом отчаянии и тоске, в этом поражении повинна она. Сердце ее разрывается, в ушах у нее звучит фраза, произнесенная Антонио этой ночью: «Лучше пустить себе пулю в лоб, чем дожидаться завтрашнего дня. Завтра не существует. Или сегодня, или никогда». Антонио интересуется расписанием поездов: они уедут домой. Такова действительность — они вновь погружаются в безвестное серое существование в своем городишке.

Внезапно Коринна исчезает.

Куда она делась? Антонио делает вид, что не замечает ее исчезновения. Но Коринна отправилась к влиятельному участнику голосования, где постарается исправить допущенный ею промах. Антонио прочел это у нее в глазах, глядевших на него с таким виноватым выражением. Не он ли сам вызвал у молодой жены такое душевное состояние?

Но что за душа у самого Антонио? Разве можно быть художником, талантливым писателем, как он, и вместе с тем эгоистом, не останавливающимся даже перед преступлением? И поэты тоже могут быть первоклассными негодями — здесь в самый раз официально это заявить. Однако спустя четверть часа после исчезновения жены в нем начинается что-то происходить. Он вынужден перед лицом собственной совести признать, что его жена через несколько минут принесет себя в жертву этому грубому и

властному типу. Его вдруг охватывает стыд, возмущение, и он вскакивает на ноги. Он должен найти Коринну, прежде чем совершится жертвоприношение.

Он бросается по ее следам, словно в фильме-вестерне. Поиски становятся все напряженнее, все отчаяннее, они прерываются лишь молниеносными встречами с верным другом Карлоне. Тот, вопя от радости, информирует его, что некоторые видные лица, совершенно неожиданно собираются голосовать за него назо другим участникам голосования. Акции Антонио сильно повышаются. Достаточно еще нескольких голосов, и премия у него в кармане.

А что же Коринна? Вместо того чтобы продолжать идти по ее следам, Антонио, как мы видим, ловит такси и направляется в другую сторону; продолжает ненадолго прерванную охоту за голосами, слава уже близка.

Тем временем настает вечер, и мы погружаемся в волнующую атмосферу церемонии голосования. Тут собрался весь Рим, те кто держит в своих руках мнение света, всю политическую, религиозную, экономическую власть. Антонио еще не может прийти в себя после столь трудного дня и словно оглушен: между тем многие ему подмигивают, жмут руку, шепотом желают удачи. Этот провинциал внушает им симпатию, он всем что-нибудь да подарил — от цветов до лести.

А Коринна? Разумеется, Антонио время от времени спрашивает о ней, ищет ее взглядом, Карлоне его успокаивает: она не покинула с собой! В какой-то момент он этого боялся. Она в гостиной, одевается и с минуты на минуту будет здесь.

Последние минуты, предшествующие вскрытию бюллетеней, самые долгие, тягостные... Антонио только и делает, что раздвигает направо и налево поклоны, улыбки, рукопожатия. Эти последние четверть часа имеют решающее значение. Он просто лезет из кожи вон. Он уже ощущает ветер победы. Но ни в коем случае этого нельзя показать: необходимо сохранять скромность, лицемерить, по крайней мере вплоть до великой минуты.

Но вот, к счастью, появилась и Коринна. Антонио очень мягко ее спрашивает:

— Где ты была? — и добавляет: — Я тебя так искал.

Коринна отвечает уклончиво. Тут же и важная персона. По его ничего не выражающему, как у дипломата, лицу нелегко понять, что случилось между ним и Коринной. «Одержу я победу или потерплю поражение, все равно я люблю тебя, Коринна». Фраза — чтобы спасти душу. То и дело его кто-нибудь хлопает по плечу, словно предвещая успех: ну как не питать материнские, отцовские, братские чувства к этому молодому человеку, столь скромному и романтичному? Да и жена у него такая же простая, такая же симпатичная. В самом деле, очень милая пара.

Коринна не понимает, с чем ее поздравляют, и не успевает даже попытаться понять, так как уже начался подсчет голосов и она вместе с нами следит по табло за ходом борьбы.

Да, нет, да, нет, да! Фотовспышки, сверкающие глаза, Антонио просят сказать в микрофон, о чем он сейчас думает, какие чувства испытывает. Спасибо, спасибо, спасибо, бормочет он десятки раз. И не забывает обнять Коринну.

— Как было бы интересно, если бы ты рассказал обо всех перипетиях, о закулисной стороне сегодняшнего дня перед десятком миллионов телезрителей... — еле слышно шепчет ему на ухо Коринна. Возможно, не без некоторой жестокости.

Антонио предпочел бы не слышать ее слов. Но толпа разлучает его с Коринной. Все громко повторяют его фамилию, оглушительно стрекочут кинокамеры. Ему кажется, что Коринна, из толпы лоя его взгляд, вновь повторяет: «Как было бы интересно...»

Антонио — ведь он типичный интеллигент со всеми присущими интеллигенту шатаниями и метаниями — поддается на провокацию, он не в силах одолеть искушение. Он скажет все. И начинает рассказывать об этом своем невероятном, незабываемом, непревзойденном, позорном дне. Он рассказывает о своих тревогах, разочарованиях, надеждах, подлогах, амбициях. Он говорит и исповедуется — с яростью, наслаждением, никого не жалея и не выгораживая. Под конец он чуть не плачет.

Боже мой, что с ним, он сошел с ума? Многие задают себе этот вопрос, бледнея от страха, что вот сейчас, как огни фейерверка, вспыхнут и прогрекохот их имена. Важная персона обеспокоена до такой степени, что вынуждена сесть. Как было бы замечательно, это был бы поистине исторический случай, скажем мы про себя, если бы этот приступ искренности продлился до конца! Но вот Антонио с быстротой электронно-вычислительной машины, видимо, произвел необходимые расчеты. Ему пришлось бы слишком дорого заплатить за такое проявление откровенности. И с находчивостью подлинного художника и обманщика он неожиданно заявляет, что все то, о чем он сейчас говорил с такой пылкой и даже, можно сказать, чудовищной искренностью, — не что иное, как тема его новой книги, где один писатель-шарлатан, не имеющий с ним ничего общего, путем компромиссов и всяких махинаций добивается успеха в обществе, не имеющем ничего общего с собравшимся здесь.

Публика, слушавшая его затаив дыхание, может наконец освободиться от гнетущего страха и раздражения неистовыми, нескончаемыми, взволнованными аплодисментами. Кому-то приходит в голову мысль, достойная благородной души: Антонио должен скорее позвонить старушке матери! Она плачет от радости, благодарит бога и власти... Присутствующие фотографы запечатлевают эту сцену: сын сообщает по телефону далекой старой матери о своей победе. Вокруг продолжают сверкать вспышки и щелкать фотоаппараты.